

Н. П. Щетинина

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ
РЯЗАНСКОГО КРАЯ XIX ВЕКА:
ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ
РОСТИСЛАВОВ**

УДК 37.014

ББК 74.04

В статье раскрываются особенности педагогической деятельности Д. И. Ростиславова; анализируется образовательный процесс в духовных учебных заведениях Рязанского края в воспоминаниях педагога (на примере приходских духовных училищ).

Ключевые слова: Д. И. Ростиславов, образование, духовное образование, приходские училища, учитель, содержание образования, методы обучения, библиотека.

N. P. Shtshetina

**PEDAGOGICAL WORKERS OF THE RYAZAN
REGION OF THE XIX-th CENTURE:
DMITRY ROSTISLAVOV**

The article reveals pedagogical activity D. I. Rostislavova; analyzed the educational process in theological schools of the Rязan region in the memories of the teacher (on the example of the parish religious schools).

Key words: D. I. Rostislavov, education, religious education, parochial schools, the teacher, the content of education, training methods, library.

*...история складывается не из одних царей,
генералов и министров, ...ей нужна жизнь народов,
а с жизнью народа русского я был знаком хорошо,
и мои биографические Записки...
не будут лишены интереса для потомства.*

Д. И. Ростиславов

В условиях модернизации отечественного образования на всех его уровнях в соответствии с задачами, определенными в новом Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», реа-

лизацией компетентностного подхода в подготовке специалистов большое значение приобретает обращение к историко-педагогическому знанию, практике образования предшествующих периодов.

В научно-педагогических кругах отчетливо осознается факт и утверждается мнение, что невозможно двигаться по пути модернизации отечественного образования, не учитывая уроки прошлого с опорой на все лучшее и конструктивное, что было в этом прошлом. Эта мысль прозвучала на юбилейной XXX сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки Российской академии образования, состоявшейся в Санкт-Петербурге в Академии постдипломного педагогического образования 16–17 июня 2014 года.

Важным источником познания историко-педагогических процессов прошлого выступают воспоминания свидетелей и участников. Общая историко-педагогическая картина отечественного образования складывается на основе интеграции педагогического знания, которое аккумулируется в воспоминаниях представителей эпох различных регионов России и выявляет общее, особенное и единичное. В этом отношении одним из педагогических деятелей XIX столетия, оставивших богатейшее литературно-педагогическое наследие, был Дмитрий Иванович Ростиславов (1809–1877) — уроженец Рязанского края.

Его предки по отцовской линии были потомственными священниками. Дед — Мартын Ларионович был весьма образованным человеком, еще в детстве научился читать, писать и петь на клиросе, знал церковные ноты, в течение десяти лет служил причетником в селе Шеянки Касимовского уезда Рязанской губернии. После

смерти своего тестя он занял освободившееся священническое место.

Отец — Иван Мартынович первоначально занимал должность священника в селе Палищи Касимовского уезда Рязанской губернии. Он принадлежал к разряду тех священников, которых тогда называли учеными, т. е. изучившими полный курс наук, преподававшихся в духовных семинариях того времени. До 1815 года для воспитания детей белого духовенства и приготовления их к церковно-служительским должностям почти в каждой епархии было только одно учебное заведение — духовная семинария. Она состояла из шести классов, каждый из которых назывался по главному предмету изучения в них (кроме инфимы): инфимы, синтаксимы, поэзии, риторики, философии и богословия. Первый класс или инфима получил свое название от того, что занимал в училищной иерархии низшее место.

Будучи слушателем богословского класса, И. М. Ростиславов за год до окончания курса получил священническое место в селе Палищи, женился и посвятился в священники. Обязанный большую часть года учиться и жить в Рязани, он бывал в Палищах только в каникулярное время; жена его в течение года жила у отца в Туме, где 16 сентября 1809 года родился Дмитрий Иванович Ростиславов.

До 10 лет мальчик жил в селе, рос и играл с крестьянскими детьми. В 10 лет Дмитрий поступил в Касимовское приходское духовное училище, три месяца в год жил в доме отца и участвовал во всех сельских работах. Затем он продолжил обучение в Рязанском

духовном училище, Рязанской духовной семинарии и завершил образование в Санкт-Петербургской духовной академии [3. С. 1–38].

Успешно окончив в 1833 году Санкт-Петербургскую духовную академию, Д. И. Ростиславов 6 октября 1833 года был утвержден в степени магистра и определен бакалавром по кафедре физико-математических наук в той же академии. С 25 ноября 1835 года по 28 сентября 1836 года он занимал должность профессора физико-математических наук, а 27 июля 1838 года был назначен ординарным профессором. В то время изучение этих наук, как и всеобщей истории, было необязательным, предоставленным на выбор студентов. Преданность своему делу, любовь к науке, ясность и доступность изложения материала привлекали в аудиторию многочисленных слушателей академии. По этой причине в 1842 году высшее духовное начальство признало необходимым объявить посещение лекций по физике, математике и всеобщей истории обязательным для всех студентов. Усилиями Дмитрия Ивановича во время его профессорства был создан довольно полный физический кабинет, снабженный многими инструментами, собрана библиотека из книг по физике и математике.

Но духовное начальство на все эти нововведения смотрело с подозрением: тогдашний митрополит Антоний находил «странным» успехи в Академии по физике и математике — предметам, якобы не имеющим ничего общего с богословием. Однако от такого неблагоприятного отношения

начальства энергия Ростиславова не ослабевала.

Ученый с неутомимым терпением и добросовестностью относился к своим обязанностям, и восьмилетний период его профессорства (1841–1849 гг.) был периодом всестороннего раскрытия его дарований. По своей природе он имел ум в высшей степени основательный и пытливый, постоянно стремившийся к усвоению всего, на что было обращено его внимание, к чему призывал его долг. Его домашняя библиотека, составленная из сочинений известных ученых по различным областям физико-математических наук на французском, немецком и английском языках, свидетельствовала о непрерывной самообразовательной работе бывшего бедного рязанского семинариста.

По необыкновенной скромности Дмитрий Иванович не любил распространяться и занимать внимание даже близких знакомых рассказами о своих занятиях и научных трудах. Его профессорская деятельность слагалась из двух частей. С одной стороны, труд по самообразованию и усвоению всего, что нужно было для русского ученого, не имевшего образцов и учителей в ближайшем окружении в избранном направлении наук, а с другой — ознакомление студентов с новейшими достижениями в области физико-математических наук.

В 1840 году по собственному желанию Д. И. Ростиславов был уволен из духовного звания в светское и в 1847 году произведен в статские советники. Во время своей деятельности в Академии он несколько раз на

короткое время занимал должность Инспектора Академии, а также на протяжении 12 лет (1834—1846) был экономом Академии.

Самоотверженная деятельность профессора в Академии тяжело отразилась на его физических силах и здоровье, и 19 июня 1852 года он подал в отставку. В этом же году Дмитрий Иванович возвратился на родину и поселился на постоянное местожительство в Рязани. Окруженный учениками рязанской семинарии из числа его родных, он проводил свою домашнюю жизнь тихо, помогая молодым людям в их учебных занятиях. По мере того, как улучшалось его здоровье, стали появляться силы, в нем зажглась прежняя страсть к научной деятельности. Его коллеги по правлению попечительства при Рязанской духовной семинарии имели возможность наблюдать, с каким вниманием он относился к последним достижениям в физике и математике. Несмотря на ограниченность в материальных средствах, которые заключались в то время только в пенсии, Дмитрий Иванович нередко отправлялся в Москву и через знакомых книготорговцев выписывал из-за границы новые учебные сочинения. (В фонде редких книг библиотеки Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина в настоящее время хранятся некоторые книги из личной библиотеки Д. И. Ростиславова).

Одновременно он выбирает новое поприще для своей практической деятельности — чтение публичных лекций. В 1858 году он получает разрешение Св. Синода на бесплат-

ное чтение лекций по метеорологии, физической географии и астрономии в Рязанской духовной семинарии на правах публичных, т. е. не для одних семинаристов, но и для посторонних лиц. Большой наплыв слушателей-горожан на лекции в здании семинарии побудили Д. И. Ростиславова просить директора Рязанской гимназии Ф. И. Шиллинга о дозволении безвозмездно читать дважды в неделю по часу и более публичные лекции в более доступном всем желающим городжанам помещении, притом в вечернее время. С дозволения самого Попечителя Московского учебного округа он получил разрешение и читал лекций в зале благородного собрания г. Рязани в 1860—1862, 1866, 1868 гг. «В последние два года, находясь в близких отношениях с здешнею семинарией, я в учениках ее постоянно замечал сильное желание ознакомиться с физическими науками и готовность слушать мои лекции». Лекции, в частности, позволяли слушателям самим подсчитывать на простых примерах время геологических процессов и древность археологических следов жизни человека. Тем самым Д. И. Ростиславов подводил их к мысли о несоответствии библейских данных реальным срокам жизни на Земле и самой планеты [5. С. 21—22].

В 1860-е годы эти курсы посещал будущий академик, уроженец Рязанского края И. П. Павлов, для которого Д. И. Ростиславов был авторитетом и который подтолкнул молодого семинариста к естественнонаучному творчеству [5. С. 176]. «По всей видимости, именно картина при-

роды и методы познания ее, развернутые перед слушателями лекций Д. И. Ростиславова, оказали весьма существенное влияние на выбор Ивана Павлова. И этот выбор был в пользу научного проникновения в тайны живого организма. За несколько месяцев до окончания Рязанской духовной семинарии он покинул ее и отправился поступать в Императорский Санкт-Петербургский университет» [5. С. 22].

Член попечительского правления Рязанской духовной семинарии, присяжный адвокат Федор Тихонович Смирнов вспоминал: «Мы очень хорошо помним, как полна была эта зала, как сильно интересовались многочисленные слушатели сообщаемыми сведениями, в то время довольно новыми. Форма изложения лекций была вполне популярная, но вместе с тем это изложение отличалось основательностью и добросовестностью в научном смысле. При таком характере лекций аудитория представляла большую общественную школу, имевшую в то время очень важное образовательное значение для рязанских жителей» [4. С. 105]. Учащаяся молодежь была в восторге; в аудиторию устремились толпы и посторонних слушателей; о лекциях заговорил весь город.

В конце его просветительской деятельности ряд местных деятелей обвинили Д. И. Ростиславова в безбожии и сочувствии протестантизму [1. С. 166]. Поэтому попытка начать чтение лекций по астрономии осенью 1869 г. оказалась неудачной.

К этому времени, которое совпало с началом великих государственных

реформ, относится появление в печати первых ученых исследований Д. И. Ростиславова, имевших огромное практическое значение для последовавших затем реформ духовно-учебных заведений и вообще всего строя жизни и деятельности белого духовенства.

Необходимо отметить еще одну сторону деятельности Д. И. Ростиславова — общественную деятельность, в которой на его долю выпадал серьезный труд. Так, будучи членом благородного собрания, он исполнял обязанность библиотекаря и занимался библиотечным делом с большим усердием в течение нескольких лет. Библиотека, пополняемая ежегодно новыми изданиями, представляла богатое собрание книг по многим отраслям наук, но пользоваться ими было крайне затруднительно, так как невозможно было быстро найти требуемое сочинение. Д. И. Ростиславов привел в порядок библиотечный каталог; благодаря чему губернский город приобрел хорошую библиотеку, в отличном порядке и с прекрасным каталогом.

Как член комитета о бедных города Рязани, Д. И. Ростиславов заведовал казначейской частью. Как член вновь организованного попечительства при духовной семинарии, он с душевным участием занимался судьбой бедных семинаристов и устранял препятствия к их образованию.

Если соединить все то, что он делал как член общества, с его постоянными литературными и научными занятиями, которые он очень любил и которые, по его собственному выра-

жению, давали ему возможность без скуки проводить одинокую домашнюю жизнь, то для выполнения всего этого нужно было много времени. И он находил это время в неустанном труде и строгом распределении своих занятий.

Одинокая и трудовая жизнь, серьезные ученые занятия и преклонные годы не погасили в нем сердечной теплоты и добродушия, которые делали его другом детей и учащейся молодежи. Нередко молодые люди приходили к нему как к доброму и интересному человеку, чтобы провести приятно время в дружеской беседе. Много заботы он проявлял о родственниках, многочисленных племянниках, которым помогал и своим знанием, и материальными средствами, ограничивая свои собственные потребности до самых скромных размеров. Например, он помогал молодым людям материально, чтобы они могли продолжить свое образование в высших учебных заведениях. Все это он делал по глубокому убеждению — служить и приносить пользу обществу и отдельным лицам.

Время от времени Дмитрий Иванович оставлял свои ученые занятия и приходил к своим знакомым, всегда приносил с собой веселый взгляд, безобидную шутку и ту простоту общения, которая уничтожала большое расстояние между ним и его простыми собеседниками.

В октябре 1859 года директор канцелярии св. Синода И. С. Гаевский предложил Дмитрию Ивановичу, как бывшему воспитаннику духовно-учебных заведений и активному

деятелю в области духовного образования, представить свои соображения и замечания по вопросу совершенствования образовательной деятельности духовных училищ. Составителю записки была предоставлена полнейшая свобода мнения, без всякого стеснения канцелярской формальстикой. Это предложение как нельзя более соответствовало заветным и давним мечтам Д. И. Ростиславова. Со свойственной ему энергией Д. И. Ростиславов принялся за работу, и через девять месяцев записка была отправлена И. С. Гаевскому. Однако через некоторое время она была возвращена автору с отзывом, что «записка по своему направлению не может получить дальнейшего хода». Не желая, чтобы его добросовестный труд пропал бесследно, Дмитрий Иванович передал свою рукопись М. П. Погодину. Рукопись какими-то путями попала за границу и в 1863 году была напечатана в Лейпциге под заглавием «Об устройстве духовных училищ в России». В 1866 году в Лейпциге вышел в свет новый труд Д. И. Ростиславова «Черное и белое духовенство в России». Оба произведения Ростиславова достигли главной своей цели — материалы его работ были использованы в ходе преобразований семинарий и низших духовных училищ в 1867 году.

С этого времени и до конца своей жизни Д. И. Ростиславов посвятил себя литературным трудам. Один из них — «Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей» (1872 и 1876 гг.). Четвертый, громадный труд ученого, оставшийся

в рукописи (до 6000 листов), имел предметом обозрение степеней веротерпимости во всех древних и новых религиях. Кроме сочинений, посвященных духовно-историческим исследованиям, им было написано несколько руководств по физике и высшей математике (например: Начальная алгебра. — М., 1868).

Д. И. Ростиславов ушел из жизни 18 февраля 1877 году на 69 году жизни, его отпевали в домовом храме родной ему Рязанской духовной семинарии. В последний путь его провожали коллеги и ученики. Память усопшего почтили надгробными словами: преподаватель семинарии, священник П. И. Алфеев, преподаватель И. О. Покровский, воспитанник 6 класса семинарии Н. Миловзоров. Похоронен был Дмитрий Иванович на кладбище рязанского Спасского монастыря.

После смерти Ростиславова в журнале «Русская старина» в период с 1880 по 1895 гг. были опубликованы «Записки Дм. Ив. Ростиславова», переданные редакции журнала его братом Николаем Ивановичем. В них описан быт духовенства и состояние духовного просвещения в России первой трети XIX века.

Воспоминания Д. И. Ростиславова о годах учебы в духовных учебных заведениях обогащают педагогическое знание, включая: историю развития духовного образования в России и, в частности, в Рязанском крае, изучение отношения священно- и церковнослужителей к обучению, исследование типов учебных заведений (приходские духовные училища, семинарии), содержание и методы обучения и

воспитания. Много внимания ученый уделяет характеристике личности педагогов, стилю общения учителей и учащихся, режиму учебных занятий, организации управления образовательным процессом, школьным зданиям и их гигиеническому состоянию, духовно-нравственной обстановке в этих заведениях.

В представленном ниже описании организации духовных учебных заведений низшего уровня — приходских духовных училищах — Д. И. Ростиславов представляет общую картину их содержания и деятельности воспоминаниями ребенка-ученика.

«В одном флигеле помещались высшее и низшее отделения. А в другом приходское училище и кухня. В каждой аудитории... стояла голландская кирпичная печь; на стене... висела... икона... Ко всем стенам приделаны были лавки...сами учителя сживали не на стуле, а на лавке. Перед ними стоял... столик, а для учеников... столы из трех скрепленных между собою толстых досок... на четырех толстых ножках; все это было самой простой, грубой работы.

Нечистота в наших аудиториях доходила чуть ни до самого крайнего предела. Я даже не припомню, чтобы полы в них хоть когда-нибудь мыли.

Описание мое прилагается ко всем классам, но приходское училище имело еще некоторые особые качества. Здесь дверь плохо притворялась и была с порядочными щелями; наружный холодный воздух, втекая чрез них и смешавшись с менее холодным комнатным, производил близ двери нечто вроде тумана. Пол был еще

чернее, нежели в прочих классах от кухни, имевшей общие сени с классом. Кроме того, некоторые половые доски в классе по местам сгнили и проломились, так что чрез составившиеся отверстия мы могли спускаться в подполье.

В этой аудитории помещались первый и второй класс приходского училища, хотя каждый из них должен был существовать отдельно от другого и иметь особого учителя» [2. С. 586—588].

В Касимовском училище были определенные отступления и относительно учителей. По уставу их должно было быть шесть: два в высшем, два в низшем отделениях уездного училища и два в приходских классах. Фактически было три учителя и смотритель, который считался преподавателем географии. Жалование, рассчитанное на шесть учителей, разделялось между тремя и смотрителем.

Обитателей этих учебных заведений Д. И. Ростиславов разделил на два разряда: низший и высший. К первому относились аудиторы, цензоры или старшие и дневальные из учеников, а ко второму смотрителя и учителя.

В обязанность *аудиторов* входила проверка подготовки мальчиками уроков, которая отмечалась в специальной тетради (нотате). Аудиторами были ученики этого же класса, которые были не только чрезвычайно придирчивы, но и требовали от своих подчиненных вознаграждения за свои труды (ломоть хлеба, пышка, калач). Аудиторы и цензоры избирались на неопределенное время и отстранялись

от своих обязанностей по причинам, которые показывали их неспособность выполнять эти функции.

Другая начальственная должность в каждом из классов приходских духовных училищ была должность *цензора* или старшего, функции которого заключались в обеспечении порядка в классе во время перемены. Как правило, им был самый лучший ученик, здоровый и сильный.

Кроме этих, как называет Д. И. Ростиславов «аристократических должностей», была третья — плебейская, которую выполняли по очереди все ученики — должность *дневального*, в обязанность которого входило запира́ть класс и хранить ключ во время учебных занятий. До прихода учителя он должен был приготовить достаточное количество розог «и если он не готовил розог, понадеявшись на то, что учитель никого не высечет, или розги окажутся в недостаточном количестве или с качествами, несоответственными их специальному назначению, тогда дневальный был наказываемым и очень больно» [2. С. 592].

Учителя в Касимовском приходском духовном училище были представлены в одном лице — соборном священнике Михаиле Яковлевиче Миртове. В памяти мальчика на всю жизнь запечатлелся образ этого жестокого, авторитарного педагога: «Ростом он был чрезвычайно мал... Это был почти тип учителей духовных училищ того времени. О разъяснении уроков он почти вовсе не заботился. Лекции его по русской грамматике и катехизису ограничивались толь-

ко словами: выучить от такого-то до такого-то слова, или выучить еще два стиха и т. п. Я решительно не помню, чтобы он когда-либо хоть что-нибудь по этим предметам изъяснял. ...Большую часть арифметических лекций ограничивал словами: выучите правило, например, умножения, и о том, как делать умножение, спросите низшекласных или вышекласных... [1. С. 594]. «Много тратилось времени на арифметику. Судя по тому, как она у нас преподавалась, можно уже ожидать, что ученики долго не могли усвоить себе умения хоть механически разрешать математические задачи. Иногда одну задачу делали час и более несколько человек и все-таки не могли ее кончить. Чтобы писать на доске цифры, мы становились на лавку Михаил Яковлевич... кричит, бранится. Называет лентям, мерзавцем, пощиплет за ухо, за волосы, даст подзатыльник...задаст ему трепку и отдаст в руки держателям и секутору. Ступает на лавку новый математик, — и его тоже под лозу [2. С. 611]. Но относительно обучения нотному пению и письму Михаил Яковлевич отступал от описанных педагогических приемов, может быть, потому, что он хорошо знал церковное пение и писал очень хорошим почерком. Каждый урок из нотного пения он в классе наперед пропевал один или вместе с нами [2. С. 594]. Несмотря на то, слишком немногие из нас были искусными певчими, притом преимущественно те, которые выучены были дома отцами. Приписывая это не своей бестолковой методе, а нашей лени, Михаил Яковлевич постоянно нас

наказывал... Не проходило без того, чтобы половина или две трети не стояли на коленях... Разумеется, не забывались и розги...» [2. С. 612–613].

Из этого описания характера обучения ясно, что автор не остается беспристрастным участником этих событий, и спустя много лет, имея уже большой опыт педагогической деятельности, осмысливает образовательный процесс в духовных учебных заведениях времен своего обучения в них, предлагая личную педагогическую оценку.

В обучении учитель широко использовал различные популярные в то время средства наказания, характерные для большинства учебных заведений: таскание за ухо, щипание за нос, таски, трепки за волосы, стояние на коленях, сечение лозами «педагогической части тела», как ее называли сами ученики и другие. И такие исправительные меры были характерны с некоторыми отступлениями для всех училищ. В Касимовском духовном училище «самой слабой исправительной мерой, даже не наказанием, считалось, если учитель подерет за волосы или за ухо, употребляя для этого только большой и указательный палец своей руки. Михаил Яковлевич особенно любил драть и щипать нас за волосы. Довольно щедр он был на оплеухи, подзатыльники и вообще удары в голову... Бывали по временам таски и трепки, когда г. Педагог, взявши всеми пальцами одной или обеих рук за волосы, сообщал голове нашей разностороннее движение, которое иногда передавалось всему телу, так что наказываемый не устаивал

на ногах и все его тело, касаясь пола только пальцами ног, переносилось из одной стороны в другую...» [2. С. 595–596].

В воспитательных мерах использовались розги из березовых или ивовых прутьев, ременные плети с хвостами, «стояние столбом или на коленях», оставление без обеда и другие.

Воспоминания Д. И. Ростиславова охватывают и период его обучения в Рязанской духовной семинарии, однако, это предмет отдельного рассмотрения. Отметим лишь, по воспоминаниям Д. И. Ростиславова, единственными науками, которые преподавались в семинарии, были философия, богословие, словесность; они излагались на латинском языке сухим, безжизненным образом; исторические, физические, естественные науки и математические науки были в полном пренебрежении.

Какие же педагогические выводы можно сделать из характеристики обучения в приходских духовных учебных заведениях первой половины XIX века? Какие уроки следует извлечь? С одной стороны, нельзя отрицать роль духовенства и приходских учебных заведений в первоначальном образовании и духовном просвещении населения (хотя и очень ограниченном по содержанию учебно-методической организации). Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889), будучи мини-

стром народного просвещения, в 1861 году писал: «Духовенство обнаружило такие учительские силы, каких тщетно было бы ожидать от какого-либо другого ведомства или учреждения и каким могла бы позавидовать любая из просвещенных стран Европы» [6. С. 46].

С другой стороны, постановка обучения в приходских духовных училищах наглядно демонстрирует типичные черты авторитаризма в образовании описываемого периода: антигуманные методы в обучении и воспитании, физическое и интеллектуальное насилие над ребенком, удручающая духовная обстановка в школе, заботливость и запуганность детей, их бесправие, несоответствие школьных помещений санитарно-гигиеническим требованиям, педагогическая безграмотность учителей.

Педагоги не отличались мягкими и гуманными приемами, а жестокие телесные наказания были обыкновенным явлением. Как историко-педагогический факт интерес представляет описанная ученым система физических наказаний и средств, которые для этого использовались.

Таким образом, мемуары рязанского педагога помогают воссоздать общую картину духовного образования России XIX века и могут быть использованы в научных и учебных целях.

Список литературы

1. Давидович, И. Ростиславов Дмитрий иванович // Русский биографический словарь. Т. 17. / Под ред. Б. А. Модзалевского. Пг.: Тип. Акц. Общ "Кадима". 1918. — С. 165—167.
2. Записки Д. И. Ростиславова, профессора СПб Духовной академии // Русская старина. — 1882. — июнь. — С. 585—614.
3. Записки Д. И. Ростиславова, профессора СПб Духовной академии 18 февраля 1877 г. // Русская старина. — 1880. — январь. — С. 1—38.
4. О действиях правления попечительства при Рязанской духовной семинарии за первое полугодие по открытии попечительства (с 23 января по 1 июля 1877 г.) // Рязанские епархиальные ведомости: прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям. — 1877. — 15-е октября. — С. 101—109.
5. Павлов, И. П.: достоверность и полнота биографии / [сост. Ю. А. Виноградов, Ю. П. Голиков и Т. И. Грекова]. — СПб. : ООО «Издательство Росток», 2005. — 416 с.
6. Рыбаков, С. Ю. Мировоззренческий кризис в системе образования России в эпоху либерализма / С. Ю. Рыбаков // Мир образования — образование в мире. — 2011. — № 2. — С. 39—50.